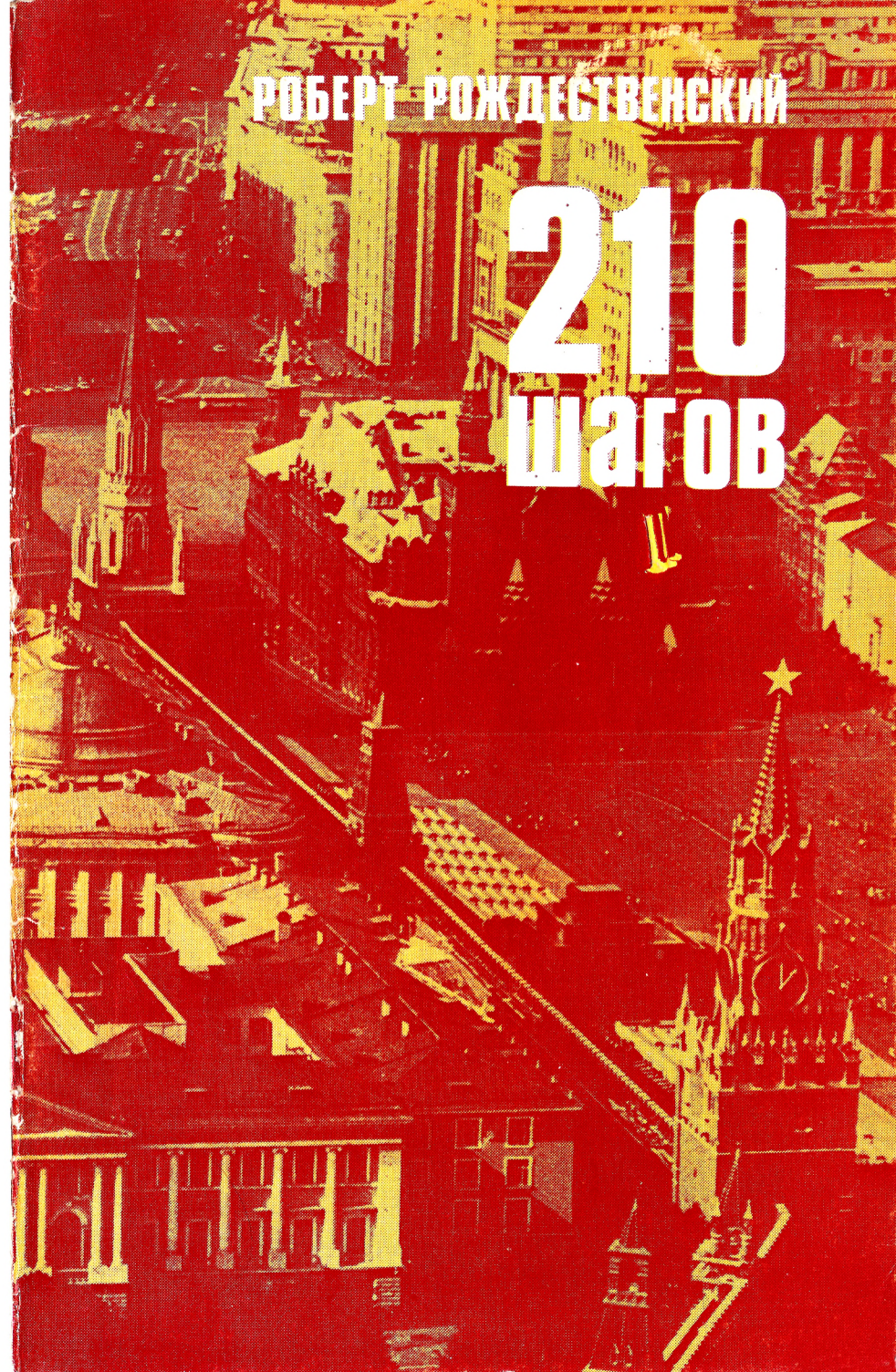

30 коп.

РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

210 ШАГОВ

РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

**210
шагов**

ПОЭМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ИЗВЕСТИЯ"

МОСКВА © 1981

**Лирическое
отступление
о школьных
оценках**

*Память
за прошлое держится цепко,
то прибывает,
то убывает...*

*В школе
когда-то
были оценки*

*две:
«успевает»
и «не успевает»...*

*Мир из бетона.
Мир из железа.
Аэродромный
разбойничий рокот...*

*Не успеваю
довериться лесу.
Птицу послушать.
Ветку потрогать...
Разочаровываюсь.
Увлекаюсь.*

*Липкий мотив
про себя напеваю.
Снова куда-то
бегу,
задыхаясь!*

*Не успеваю,
Не успеваю...
Время жалею.
Недели мусолю.*

С кем-то
о чем-то
бессмысленно спорю.

Вижу
все больше вечерние
зори.

Утренних зорь
я почти что не помню...
В душном вагоне —
будто в горниле.
В дом возвращаюсь.
Дверь открываю.

Книги
квартиру
заполнили.
Я прочитать их
не успеваю!..

Снова ползу
в бесконечную гору,
злюсь
и от встречного ветра
немею.

Надо б, наверно,
жить
по-другому!

Но по-другому
я не умею....
Сильным бываю.
Слабым бываю.

Школьного друга
нежданно встречаю.
«Здравствуй!
Ну как ты?..»
И —
не успеваю
вслушаться

в то, что он мне
отвечает...

Керчь и Калькутта,
Волга и Висла.
То улетаю,
то отплываю.

Надо бы,
надо бы остановиться!
Не успеваю.
Не успеваю...
Знаю,
что скоро метели
подуют.

От непонятной хандры
изнываю...
Надо бы
попросту сесть и подумать!
Надо бы...
Надо бы...
Не успеваю!

Снова меняю
версты
на мили.

По телефону
Москву вызываю...
Женщину,
самую лучшую
в мире,
сделать счастливой
не успеваю!..

Отодвигаю
и планы, и сроки.
Слушаю притчи
о долготерпенье.

А написать
свои главные строки
не успеваю!
И вряд ли успею...
Как протодьякон
в праздничной церкви,

голос
единственный
надрываю...

Я бы, конечно,
исправил оценки!..

Не успеваю.
Не успеваю.

Шаги

Все, что угодно,
может еще
судьба напорочить:
от неожиданной тишины
до грома внезапнейшего...

Дай мне
уверенности твоей,
Красная площадь!

И помоги мне
себя отыскать —
завтрашнего...
Главная площадь,
ты поддержи,
выслушай,

вывези...
На запотевшей брусчатке
один
молча стою.

Крутые зубцы на кремлевской стене —
будто шлемы
витязей.

И Спасская башня —
правофланговым
в этом строю...

Скоро на башне,
в часах городских и домашних
размножась,
пересчитав скрупулезно
вереницу минут и секунд,
стрелки курантов
сойдутся,

как лезвия ножниц,
и безвозвратно прожитый мной
час
отстригут.

Прожитый час
жизни моей.

Час без названья.
Бывшее время,
в котором осталось
мое «помоги!..».

В это мгновенье,
как молотом по наковальне,
хлестко и гулко
вдруг зазвучали
шаги!..
Грохот сердца.

Квадратных плечей разворот.
Каждый час
перед глазами друзей и врагов
начинаются
прямо от Спасских ворот
эти —

памятные —
двести десять шагов...
(Это я потом
шаги подсчитал.
А тогда в ночи
стоял — оглушен.
А тогда в ночи
я ответа
ждал.
И остаток века
над миром
шел...
Это я потом
шаги подсчитал.
Приходил сюда
наяву и во сне.
Будто что-то
заранее
загадал,
что-то самое
необходимое мне...
Я глядел в глубину
огромной стены,
будто в темное море
без берегов.
Веря в то,
что соединиться должны
время жизни моей
и время
шагов!..)
Грохот сердца.
И высохших губ немота.
Двести десять шагов
до знакомых дверей,
до того —
опаленного славой —
поста,

молчаливого входа
в его Мавзолей...
Под холодную дымкой,
плывающей с реки,
и торжественной дрожью
прижнутых штыков,
по планете,
вбивая в гранит
каблуки, —
двести десять
весомых,
державных шагов!

Имена

Когда Москва
бросается в сны —
вчерашний день воскрешать,
на траурных плитах
кремлевской стены
начинают
буквы мерцать.
Начинает светиться,
будто заря,
алфавит
от «А» до «Я».
Азбука
яростного бытия.
Азбука Октября...
Кто смерти
хотел?
Никто не хотел.
Кто пулю
искал?
Никто не искал.

А ветер
над общей судьбою
гудел.

На длинной стене
имена высекал.
На груди стены
имена
попыхают,
как ордена!..

Каждое имя
в ночи горит
своим,
особым огнем...
Дзержинский.
Гагарин.
Куйбышев.
Рид.
Чкалов.
Жуков.
Артем...
Их много.
Всех их
не перечесть.
Их много.
Куда ни взгляни...

Но если бы,
если бы только здесь!
Если бы
только они!
А то —
повсюду!
И голос дрожит.
И я закрываю глаза.
Помнить об этом
труднее, чем жить.

Не помнить об этом —
нельзя!..

Последнюю зависть к живым затая,
лежат,
как во мгле полыньи,
твои,

Революция,
сыновья —
любимые сети твои.
В поющих песках
и в молчащих снегах,
в медлительном шелесте трав.
У сонных колодцев,
в немых сквозняках
пронизанных солнцем
дубрав.
Там,
где тоскуют перепела,
там,
где почти на весу,
легкая,
утренняя пчела
пьет из цветка
росу.
Где клены
околицу сторожат
и кукушка
пророчит свое...

В безбрежной планете
солдаты лежат,
изнутри
согревая
ее...

Они —
фундамент.
Начало начал.

Вслушиваясь в тишину,
держат они
на своих плечах
эту стену
и эту страну.

Единственным знаменем
осенены, —
гордость
и боль моя...
Пылает
на плитах кремлевской стены
алфавит
от «А» до «Я»...
И, задохнувшись,
я говорю:
Отныне —
и каждый день —
по этому
каменному
букварю
я бы учил
детей!
Нет, не по буквам,
не по складам,
а по этим жизням
учил!
Я бы им
главное передал.
Вечное
поручил...

Мы мало живем.
Но живем
не зря!..
Всёт ветер
с Москвы-реки.
Пред лицом
гранитного букваря
караул
чеканит
шаги.

Историческое отступление о крыльях

Мужичонка-лиходея —
рожа варужкой —
дня двадцатого апреля
года давнего
закричал всю
в Кремле,
на Ивановской,
дескать,
«Дело у него
Государево!!.»
Кто таков?
Почто вопит?
Во что верует?
Отчего в глаза стрельцам
глядит без робости?
Вор — не вор,
однако кто его ведает...
А за крик
держи ответ
по всей строгости!..

Мужичка того
                                недремлющая стража взяла.
На расспросе
объявил этот странный тать,
что клянется смастерить
                                два великих крыла
и на оных,
                                аки птица,
будет в небе летать...

Подземелье.
Стол дубовый.
И стена
                                на три крюка.
По стене плывут, качаясь,
                                тени страшные.
Сам боярин Троекуров
                                у смутьяна-мужика,
бородю трясая,
грозно спрашивали:

— Что творишь, холоп?..
— Не худое творю..
— Значит, хочешь взлететь?..
— Даже очень хочу..
— Аки птица, говоришь?..
— Аки птица, говорю..
— Ну а как не взлетишь?..
— Непременно взлечу!..

...Был расспрашиван бахвал
                                строгим способом,
шли от засветло расспросы
                                и до затемно.

Дыбой гнули мужика,
а он упорствовал:
«Обязательно взлечу!..
Обязательно!!.»
Вдруг и вправду полетит
                                мозгля крамольная?!
Вдруг понравится царю
                                потеха знатная?!
Призадумались боярин
и промолвили:
— Ладно!..
Что тебе, холоп,
                                к работе
                                надобно?..

...Дали все, что просил
                                для крылатых дел:
два куска холста,
                                драгоценной слюды,
прутьев ивовых,
                                на неделю еды.
(И подьячего,
чтоб смотрел-глядел...)
Необычное
                                мужичок мастерил,
вострым ножиком
                                он холсты кромсал,
из белужьих жабр
                                хитрый клей варил,
прутья ивовые
                                в три ряда вязал.
От рассветной зари
                                до темных небес
он работал и
                                не печалился.
Он старался — черт,
                                он смеялся — бес:

«Получается!..
Ой, получается!!.»

Слух пошел по Москве:
«Лихие дела!..»

Мужичонка...
да чтоб мне с места не встать!..
Завтра в полдень, слышь? —
два великих крыла...
На Ивановской...
аки птица, летать...»

— Что творишь, холоп?..
— Не худое творю...
— Значит, хочешь взлететь?..
— Даже очень хочу...
— Аки птица, говоришь?..
— Аки птица, говорю...
— Ну а как не взлетишь?..
— Непременно взлечу!..

...Мужичонка-лиходея —
рожа варешкою, —
появившись из ворот
скособоченных,
дня тридцатого апреля
на Ивановскую
вышел-вынес
два крыла перепончатых!
Были крылья угловатыми
и мощными,
распахнулись —
всех зажмуриться
заставили!
Были тоненькими очень —
да не морщили.

Были словно ледяными —
да не таяли.
Отливали эти крылья
сверкающие
то ли — кровушкой,
то ли — пожарами...
Сам боярин Троекуров
со товарищами
поглазеть на это чудо
пожаловали...
Крыльев радужных таких
земля не видела.
И надел их мужик,
слегка важничая.
Вся Ивановская площадь
шеи
вытянула,
приготовилась ахнуть
вся Ивановская!..
Вот он крыльями взмахнул,
сделал первый шаг.
Вот он чаще замахал,
от усердья взмок.
Вот на цыпочки встал, —
да не взлеталось никак!
Вот он щеки надул, —
а взлететь не мог!..
Он и плакал,
и молился,
и два раза отдыхал,
закатив глаза,
подпрыгивая по-заячьи.
Он поохивал,
присвистывал,
он крыльями махал
и ногами семенял,
как в присядочке.

По земле стучали крылья,
крест мотался на груди.
Обдавала пыль
вельможного боярина.

Мужику уже кричали:
«Ну, чего же ты?
Лети!
Обещался, так взлетай,
окаянина!..»

А когда он завопил:
«Да где ж ты, господи?!..»
и купца задел крылом,
пробегаючи,
вся Ивановская площадь
взвыла
в хохоте,
так, что брызнули с крестов
стаи галочки!..
А мужик упал на землю,
как подрезали.
И не слышал он
ни хохота,
ни карканья...

Сам
боярин Троекуров
не побрезговали:
подошли к мужичку
и в личность
харкнули.
И сказали так боярин:
«Будя!
Досыта
посмеялись...
А теперь давай похмуримся...

Батогами его!
Но чтоб —
не до смерти...
Чтоб денечка два пожил
да помучился...

Ой, взлетели батоги
посреди весны!
Вился каждый батожок
в небе
пташкою...

И оттуда —
да поперек спины!
Поперек спины —
да все с оттяжкой!

Чтобы думал —
знал!
Чтобы впрок —
для всех!

Чтоб вокруг тебя
стало красненько!
Да с размахом —
а-ах!
Чтоб до сердца —
э-эх!

И еще раз —
о-ох!

И —
полразика!..

— В землю смотришь, холоп?..
— В землю смотрю...
— Полетать хотел?..
— И теперь хочу...
— Аки птица, говорил?..
— Аки птица, говорю!..

Память, память,
                        за собою
                                позови
в те далекие,
промчавшиеся дни.
Ты друзей моих ушедших
                                оживи,
а друзьям живущим
молодость верни.
Память, память,
ты же можешь!
                        Ты должна
на мгновенье
эти стрелки повернуть.
Я хочу не просто вспомнить
                                имена,
Я хочу своим друзьям
                                в глаза взглянуть.
Посмотреть в глаза
и глаз не отвести.
Уставать,
                        шагать
                                и снова уставать...

Дай мне воли
до конца тебя
                        нести.
Дай мне силы
ничего
                        не забывать.

Труд

Пока в пространстве
                                кружится планета,
на ней,
пропахшей солнцем,
никогда
не будет дня,
                                чтоб не было
  рассвета,
не будет дня,
                                чтоб не было
  труда!..

Так было
в нашей жизни быстротечной:
пришел
                                в победном реве
  медных труб,
взамен войны —
Великой и Отечественной —
Великий
и Отечественный
труд!..

Вся жизнь
                                как будто начиналась снова
в бессонной чехарде
                                ночей и дней.
И это было легче ненамного,
чем на войне.
А иногда —
                                трудней...

Великий труд,
                                когда забот по горло.
Огромный труд
                                всему наперекор...

Работа шла
не просто для прокорма,
А в общем-то
какой там был
прокорм!
Кусок сырого
глинистого хлеба.
Вода
из безымянного ручья.
И печи обгорелые —
до неба
торчащие
над призраком жилья.
Такая память
нас везде догонит.
Не веришь,
так походи перепроверь:
два дома неразрушенных —
на город!
Один мужик —
на восемь деревень!..
Расскажишь ли,
как, отпахав,
отсеяв,
споткнулись мы
о новую беду
и как слезами
поливали землю
в том —
выжженном —
сорок шестом
году!
Как мышцы затвердевшие
немели
и отдыха
не виделось вдали...

Мы выдержали.
Сдюжили.
Сумели.
В который раз
себя
превозмогли...
Свою страну,
свою судьбу врача,
мы
не копили силы про запас.
И не спасло нас
никакое чудо.
А что спасло?
Да только он и спас —
Великий и Отечественный.
Только!
Помноженный на тысячи.
Один...
Пусть медленно,
пусть невозможно долго,
но праздник наш
поднялся из руин!
Поднялся праздник
и расправил
плечи.
Разросся.
подпирая облака...
Что ж,
завтра будет проще?
Будет легче?
Наоборот:
сложней
наверняка!..
Уже сейчас —
совсем не для забавы —

заводим мы
незряшный разговор:
Какая магистраль
нас ждет
за БАМом?
Где он лежит —
грядущий Самотлор?..

...Распахнуты сердца.
Открыты лица.
Тайга стоит
уже в заре по грудь.
Стартует утро.
Царствует и длится
Великий труд.
Отечественный труд!
На стройках,
на полях
и на дорогах,
в столичном гуле,
в деревнях глухих,
на самых мудрых
синхрофазотронах
и в самых немудреных
мастерских!
Не надо
снисходительной гримасы
по поводу
«не той величины».
Ведь есть не только
БАМы и КамАЗы —
есть неизбывный
общий труд
страны!
Где без обид
несут свои заботы,

вершат
свои нелегкие дела
обычные совхозы
и заводы,
которым нет ни славы,
ни числа.
Не слишком-то надеясь на везенье,
живет страна,
мечтая и терпя.
Слесарит,
инженерит,
пашет землю.
И верит в жизнь.
И создает
себя!

Труд
правит
миром!
Он пьянит,
как брага!
Он объявляет:
все иль ничего!
А без него
любое знамя —
тряпка!

Любое слово без него —
мертво!
Великий
от великого усилья,
вознесший над страной
крыло свое!
Отечественный!
Ибо в нем —
Россия

(«Доберется!..
Авось не утонет...»)?!
Разве долгий подвиг —
шоферский риск —

ничего
не стоит?!
А колдобины
на ежедневном пути, —

(чуть расслабишься —
треснет шея)...
А сама невозможность
проехать,
пройти?!

Разве это —
дешевле?!

Не хочу, торопясь,
предвещать закон,
сгоряча
городить напраслину.
Но в Державе такой,
в Государстве таком

бездорожье —
уже безнравственно!
Это — факт!
И дело не в чьей-то
молве.

Я
намеренно не стихаю...

Не ищите поэзии
в данной главе!
Не считайте ее
стихами!..

Не стихи
пишу —
хриплым криком
кричу.
Не себе

прошу —
для Отчизны
хочу.

Для нее —
океанами стиснутой,
драгоценной,
одной,
единственной!
Для которой мы трудимся
столько лет,

для которой
поем и печалимся...

Недоступного нет,
невозможного нет,
если только миром
навалимся!
Если только — с сердцем,
с умом,
с душой...

И Дорога наша
сквозь время,
та,
которая пишется
с буквы большой,
станет
к нашим потомкам
добрее!..

Всей наивностью
этих спешащих строк,

всею ширью Земли,
всею далью
я мечтаю
о пятилетке дорог, —
самой трудной мечтой
мечтаю...
За такое
можно отдать и жизнь,
если это приблизит
сроки...
А сегодня, по-моему,
коммунизм
есть
Советская власть
плюс дороги!

Шаги

Небо темное
без берегов.
На стене
и жена горят...
Двести десять
парадных
шагов!
Словно это и впрямь —
парад!
Необъявленный,
странный,
ночной!..

Вижу:
выстроились войска,
озаренные
круглой луной,

продирающейся
сквозь облака...
Я друзей отца
узнаю, —
вон они вдалеке стоят...
Впереди —
в суровом строю —
сводный полк
Неизвестных солдат!..
Все
пришли в эту ночь
сюда
отовсюду,
где шла война:
с ноздреватого
невского льда,
из-под Бреста
и Бородина!
С Даугавы,
с Дона,
с Днепра,
кто — на лошади,
кто — пешком...
И безмолвным громом
«Ура-а!..»
перекатывается
над полком!..
Мне тревожно,
холодно мне.
Ветер скорби
хлещет в ушах.
В потрясающей
тишине
государственный
слышен
шаг!
И слова команды

«Мы разобьем их!..»
«Мы им докажем!..»
«Мы их осилим!..» —
шептал лейтенант...

В тамбуре,
маясь на стрелках гремящих,
весь продуваемый
сквозняком,
он по дороге вырослел —
этот мальчик —

тонкая шея,
уши торчком...
Только во сне,
оккупировав полку
в осатанелом
табачном дыму,
он забывал обо всем
ненадолго.
И улыбался.
Снилось ему
что-то распахнутое
и голубое.

Небо,
а может,
морская волна...

«Танки!!..»
И сразу истошное:
«К бою-у!..»

Так они встретились:
Он
и Война...

...Воздух наполнился громом,
гуденьем.

Мир был изломан,
был искажен...

Это
казалось ошибкой,
виденьем,
странным,
чудовищным миражом...

Только видение
не проходило:
следом за танками
у моста
пыльные парни
в серых мундирах

шли
и стреляли от живота!..
Дыбились шпалы!
Насыпь качалась!
Кроме пожара,
не видно ни зги!
Будто бы эта планета
кончалась
там,
где сейчас наступали
враги!
Будто ее становилось
все меньше!..

Ежась
от близких разрывов гранат, —
черный,
растерянный,
онемевший, —

в жестком кювете
лежал лейтенант.
Мальчик
лежал посредине России,
всех ее пашен,
дорог
и осин...

Что же ты, взводный?!

«Докажем!..»

«Осилим!..»

Вот он —

фашист.

Докажи.

И осиль.

Вот он —

фашист!

Оголтело и мощно

воет

его знаменитая

сталь...

Знаю,

что это почти невозможно!

Знаю, что страшно!

И все-таки

встань!

Встань,

лейтенант!..

Слышишь,

просят об этом.

вновь возникая

из небытия.

дом твой,

пронизанный солнечным светом.

Город.

Отечество.

Мама твоя...

Встань, лейтенант!

Заклинают просторы,

птицы и звери,

снега и цветы.

Нежная

просит

девчонка,

с которой

так и не смог познакомиться

ты!

Просит

далекая средняя школа,

ставшая госпиталем

с сентября.

Встань!

Чемпионы двора по футболу

просят тебя —

своего вратаря!

Просит

высокая звездная россыпь,

горы,

излучина каждой реки!..

Маршал

приказывает

и просит:

«Встань, лейтенант!

Постарайся!

Смоги...»

Глядя значительно и сурово,

вместе с землею и морем

скорбя,

просит об этом

крейсер «Аврора»!

Тельман

об этом просит

тебя!

Просят деревни,

пропахшие гарью.

Солнце,

как колокол,

в небе гудит!

Просит из будущего
Гагарин!
Ты
    не поднимешься —
он
    не взлетит...
Просят
твои нерожденные дети.
Просит история...

И тогоа
встал
    лейтенант.
И шагнул по планете,
выкрикнув не по уставу:
«Айда!!.»
Встал
и пошел на врага,
    как вслепую!
(Сразу же сделалась влажной
    спина.)
Встал лейтенант!..

И наткнулся
    на пулю.
Большую и твердую,
как стена...
Вздрогнул он,
    будто от зимнего ветра.
Падал он медленно,
    как нараспев.
Падал он долго...
Упал он
    мгновенно.
Он даже выстрелить
не успел!

И для него наступила
    сплошная
и бесконечная тишина...

Чем этот бой завершился —
не знаю.
Знаю,
    чем кончилась
    эта война!..

Ждет он меня
за чертой неизбежной.
Он мне мерещится
    ночью и днем —
худенький мальчик,
всего-то успевший
встать
    под огнем
и шагнуть
    под огнем!..

...А над домом тучи
кружат-ворожат.
Под землей цветущей
павшие
лежат.
Дождь
    идет над полем,
родную землю
    поит...

Мы про них
не вспомним, —
и про нас
не вспомнят!
Не вспомнят
    ни разу.

Никто
и никогда.
Бежит
по оврагу
мутная вода...
Вот и дождь
кончился.

Радуга
как полымя...
А ведь очень
хочется,
чтоб и про нас
помнили!

Утреннее отступление о Москве

Нас у Москвы —
очень много...

Как по привычной канве,
неудержимо
и строго
утро идет
по Москве.

За ночь
мосты остыли,
сжежились
тополя.

Дымчата и пустынна
набережная
Кремля.
Башни
порозовели.

Сразу же стала видна
тихих
тянь-шаньских елей
ранняя седина...

Рядом,
задумавшись тяжело, —
и далеки,
и близки, —
высятся
многоэтажки,
лепятся
особняки.

В городе —
сотни дорог,
вечность
в себе
таящих.

Город —
всегда диалог
прошлого
с настоящим.
Есть в нем и детство,
и зрелость.

Есть и лицо,
и нутро...

Двинулся
первый троллейбус,
и задышало метро...
Вот,
добежав,
дотикав,
пробуя голос свой,
полмиллиона будильников
грянули

над Москвой!
Благовест наш
                        небогатый,
утренний наш
                        набат...

Вот
проснулась Таганка,
потягивается
                        Арбат.

Кузнецкий
рекламы тушит.
Зарядье
                        блестит росой.

Фыркает Пресня
                        под душем!

Останкино
шпарит
трусцой!..

К определенному сроку
по мановенью
                        руки

плюхаются
на сковородку
солнечные
                        желтки!..

Пьет чай
                        Ордынка и Сетунь...

И снова, идя на рожон,
мужья
забором газетным
отгородились
                        от жен!..

Встанут не раньше, не позже,
жажду свою
                        утолив...

Будто гигантский
поршень,
в доме
работает лифт!..
Встретит всех
                        у порога

запах
умытой ливень...

Нас у Москвы очень много,
много нас
у Москвы!
Мы

                        со столицей на равных,
мы для нее — свои!

В креслах
                        башенных кранов
и на постах
ГАИ.

В гордых
                        концертных залах,
в шахтах
и облаках.

На производстве —
                        в самых

невероятных
цехах!

Мы
этот город
ставим!
Славу его

                        творим.

Памятью
обрастаем.

С космосом
                        говорим.

В каждую мелочь
вникаем.

Все измеряем
трудом...

Может быть,
не о каждом

люди
вспомнят потом.

Может,
не всем воздастся...

Сгорбившись
от потерь,

мы создаем
Государство
неравнодушных
людей!

Долгою будет
дорога.
Крупною будет
цена...

Нас у Москвы
очень много.

А Москва у нас —
одна.

Мир

Мы —
жители Земли —
богатыри.

Бесменно
от зари и до зари,
зимой и летом,
в полднях и в ночах
мы тащим тяжесть
на своих плечах...

Несем мы груз
промчавшихся годов,
пустых надежд
и долгих холодов,
отметины
от чьих-то губ
и рук,

нелепых ссор,
бессмысленных разлук,
случайных дружб
и неслучайных встреч.

Все это так,
да не об этом
речь!

Привычный груз
не весит ничего...

Но,
не считая этого всего,
любой из нас
несет пятнадцать тонн!..

Наверно,
вы не знаете о том?
Наверно,
вам приятно жить в тепле?..

А между тем
на маленькой
Земле

накоплено
так много

разных бомб,
что, сколько их,
не знает даже бог!..

Пока что эти бомбы
мирно спят.

И может,
было б незачем опять
о бомбах
вспоминать и говорить...

Но если только
взять
и разделить
взрывчатку,
запрессованную в них,
на всех людей —
здоровых и больных,
слепых и зрячих,
старцев и юнцов,
на гениев,
трудяг
и подлецов,
на всех — без исключения —
людей

в их первый день
и в их последний день,
живущих
в прокопченных горстах,
копающихся
в собственных садах,
на всех людей! —
и посчитать потом,
на каждом будет
по пятнадцать тонн!

Живем мы.
И несет любой из нас
пятнадцать тонн взрывчатки.
Про запас...

Светло смеется женщина в гостях.
Грустит в холодном доме
холостяк.

Рыбак
по речке спиннингом стегнул.
Матрос
за стойкой кабака
уснул.

Пилот мурлычет
в небе голубом.
Пятнадцать тонн на каждом!
На любом!..
Плисецкая
танцует вечный
вальс.

Богатыри!
Я уважаю
вас...

Охотник
пробирается тайгой.
Шериф
бездумно смотрит на огонь.
Студент готовится
спихнуть зачет.

Хозяйка
пудинг яблочный печет.
Рокочет на эстраде
баритон.
На каждом из живых —
пятнадцать тонн!..

Прыгун дрожит
не потому, что трус:

«Как вознести над планкой
этот груз?!»

Старик
несет из булочной батон
в авоське.
И свои пятнадцать тонн
он тащит за плечами,
как рюкзак.

И дым усталости
в его глазах...
Без отдыха
работает роддом.

Смешное,
слабенькое существо
едва рождается,
а для него

уже припасено
пятнадцать тонн.
Пятнадцать тонн
на слабеньких плечах!

Вот почему
все дети
так кричат...

...Сквозь смех и боль,
сквозь суету и сон

мы эту ношу
медленно
несем.
Ей подставляем
плечи и горбы,
влачим ее по жизни,
как рабы!
Ее не сбросить,
в землю не зарыть,

не утопить,
врагу не подарить...

А ноша эта —
черт ее возьми! —
придумана и создана
людьми!
Людьми самими
произведена.
В секретные бумаги
внесена.

Нацелена
и взвешена уже...

Ну как теперь?
Живет у вас в душе
надежда
этот шар земной
спасти?..

Шлагбаумом,
застывшим на пути, —
протянутая
детская рука.

Взрывчатки — едоволь.
Хлеба —
ни куска.
Взрывчатки — едоволь.

По пятнадцать тонн...

Земля
утробный исторгает стон!
Ей хочется
забыться поскорей.
Ей страшно
за своих
богатырей!..

проторены тропки
от Спасских
ворот...
Сквозь зимние вьюги
и вешние гулы,
под пристальным взглядом
живущих людей
идут
караулы,
встают
караулы
у памятников
посреди площадей!
У скорбных надгробий
встают, бронзовея.
И бронза
становится цветом лица...
Есть память,
которой не будет забвенья.
И слава,
которой не будет конца.

Пуля

Пока эта пуля летела в него...
— Ты о чем?!.
Он умер
в больнице.
и все это было
не вдруг.
Почти что за месяц
мы знали,
что он — обречен...

Ты помнишь,
как плакал в пустом кабинете
хирург?!

«Какой человек умирает!
Какой человек!..»
Поэт хирургии
полсуток стоял у стола.
Хотел опровергнуть прогнозы.
И —
не опроверг.
Там не было
пули...

— Нет,
все-таки пуля была!..
На любом надгробье —
два
главных года:
год прихода в этот мир.
И год ухода.
От порога
до другого порога
вьется-кружит по земле
твоя дорога.
Вьется-кружит по земле
твоя усталость.
И никто не скажет,
много ль осталось...
Но однажды,
вопреки твоей воле,
обрываются
надежды и хвори!
Обрываются
мечты и печали!
«Прибыл — убыл...» —
в это верят
без печати...

Я разглядываю камень
в испуге:

между датами —
черта,
как след от пули!
След от пули!
След
багряного цвета...

Значит, все-таки
была
пуля эта!
Значит, все-таки
смогла
долго мчаться!
Значит, все-таки
ждала
дня и часа!

Все ждала она,
ждала,

все летела!

И —

домчалась.
Дождалась.
Досвистела...
Два числа на камне
время стирает.
След от пули

между ними
пылает!..

Пока эти пули летят, —
(а они летят!) —

пока эти пули летят
в тебя
и в меня,

наполнившись ветром,
осенние сосны гудят,

желтеют в витринах
газеты
вчерашнего дня...

А пули летят!
И нельзя отсидеться в броне,
уехать,
забраться в забытые богом края...

Но где и когда она
встречу
назначила мне —

веселая пуля,
проклятая пуля моя?!
Ударит
в какой стороне
и с какой стороны?..
Постой!
Да неужто
не может промазать она?!.

И вновь
суматошные дни
суетою полны.

Живу я и верю,
что жизнь —
невозможно длинна.

Вот что-то не сделал: «Успею...»
(А пуля летит!..)

«Доделаю после...»
(А пуля смеется, летя!..)

В сырое окно
неподкупное время
глядит.
И небо
в потерянных звездах,

как в каплях
дождя...

Ну что же,
на то мы и люди,
чтоб все понимать.

На то мы и люди,
чтоб верить
в бессмертные сны...

Над детским дыханьем
склонилась
усталая мать.

Горят имена
у подножья
кремлевской стены...

На то мы и люди,
чтоб помнить
других людей.

На то мы и люди,
чтоб слышать
их голоса...

В оттаявшем небе —
рассветная полоса...

Да будет памятным
каждый
прошедший день!
А каждый грядущий день
да будет воспет!..

Пока эти пули летят,
мы
обязаны жить.
Пока эти пули летят,
мы должны
успеть

вырастить хлеб,
землю спасти,
песню сложить.
...Пока эти пули летят
в тебя и в меня...

Шаги

Двести десять шагов.

Шаг

за шагом.
Надо мной облака
в небе ржавом.
Гул шагов.

Каждый шаг —
будто веха.

Это —
сердце стучит.
Сердце века.

И на площади,
как на ладони.

Смотрит время в упор:
что я стою?

Что я
в жизни могу?

Что я знаю?..
Надо мною
рассвет,

будто знамя.
Смотрит время в упор —
проверяет.
Этот день
на меня
примеряет.

Гул шагов над Москвой.
Грохот эха.
Сердце века

                                стучит.
Сердце века!

Продолжается бой —
тот —
последний!..
Двести десять шагов
по Вселенной!..

Время
                                стрелки часов
переставит.
Знаю я:
нас
однажды
не станет.
Мы уйдем.
Мы уже
                                не вернемся.
Этой горькой землей
захлебнемся.
Этой утренней,
этой
                                печальной,
неизвестной еще,
непочатой.
А она
                                лишь на миг
вскольхнется.
И, как море,
над нами
                                сомкнется.

Нас однажды не будет.
Не станет.

Снова
                                выпадет снег.
И растает.
Дождь прольется.
И речка
                                набухнет.

Мы
уйдем нао всем.
Нас
не будет.
Превратимся
                                в туман.
В горстку праха...

Но
                                останется жить
наша
правда!
Мы
                                свое отгорим.
Отболеем...

Но
                                от имени
  нас
будет
Ленин!
И от имени
  нас
будут эти
двести десять шагов
по планете!

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Р. И.

210 шагов. Поэма — М., издательство "Известия", 1981.—
64 с. 30 коп. 50 000 экз.

"210 шагов" — это поэма о времени, о шагах истории, о бес-
смертном и незыблемом в ней. Москва, Красная площадь,
Мавзолей, люди, свершившие Октябрьскую революцию и
отстоявшие ее завоевания, молодежь, комсомольские
стройки, торжество советского бытия — вот главные напря-
женные мысли поэмы, ее главные чувства.

**Роберт Иванович
Рождественский**

210 ШАГОВ

Печатные формы изготовлены фотоспособом
с брошюры Р. И. Рождественского "210 шагов"
издательства "Молодая гвардия", 1979 г.

Переиздано издательством "Известия"

Подписано в печать 6/II-81 г. Объем 2,0 печ. л. Усл. печ. л. 3,36.
Уч.-изд. л. 2,92. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага тип. № 1.
Тир. 100.000 (2-й завод 50.001—100.000 экз.) Зак. 533. Цена 30 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
типография «Известий Советов народных депутатов СССР»
имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва.